

Н. С. Громова
Екатеринбург, Россия

**ТЕРМИН КАК ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ
И СУБКУЛЬТУРНАЯ ЕДИНИЦА
(НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ЛЕКСЕМЫ «ЭКСТРЕМИЗМ»)**

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются вопросы бытования терминов в профессиональном коммуникативном поле и за его пределами. Анализируются различия между элементами терминосистем разных сфер, и устанавливается взаимосвязь сферы и интерпретационного потенциала лексемы. Выявляются проблемы интерпретации терминов за пределами профессионального контекста с учетом зависимости значения лексемы от культурных и субкультурных особенностей носителей языка.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: терминология; профессиональная лексика; субкультурная лексика; молодежная субкультура; экстремизм; лексемы.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Громова Наталья Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры конкурентного права и антимонопольного регулирования, Уральский государственный экономический университет.

Адрес: 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 62.

E-mail: n.s.gromova@usue.ru.

N. S. Gromova
Ekaterinburg, Russia

**TERM AS A PROFESSIONAL AND SUBCULTURAL UNIT
(ON THE EXAMPLE OF THE ANALYSIS
OF LEXEMA "EXTREMISM")**

ABSTRACT. The article considers the existence of terms in the professional communication field and beyond. The differences between the elements of terminological systems of different spheres are analyzed and the interrelation of the sphere and the interpretation potential of the lexeme is established. The problems of interpretation of terms outside the professional context are identified taking into account the dependence of the meaning of the token on the cultural and subcultural characteristics of native speakers.

KEYWORDS: terminology; professional vocabulary; subcultural vocabulary; youth subculture; extremism; lexemes.

ABOUT THE AUTHOR: *Gromova Natalia Sergeevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Competition Law and Antimonopoly Regulation, Ural State University of Economics.*

Современная коммуникация представляет собой сферу, в которой происходит постоянное взаимопроникновение элементов из одной системы в другую. Это связано с тем, что многие социальные и политические темы гласно обсуждаются как специалистами, так и простыми обывателями; профессиональные компетенции среднестатистических граждан постоянно расширяются; общество становится более открытым и для межкультурного, и для внутрикультурного взаимодействия его членов. Можно говорить о том, что пересматриваются некоторые принципы коммуникативной политики, и на первый план выходят два процесса: глобализация и глокализация. В первом случае некоторые культурные особенности нивелируются, что позволяет наладить контакт между участниками взаимодействия, во втором – актуализируется возможность сохранить собственную идентичность.

Интересен тот факт, что сходные тенденции наблюдаются и в процессе профессионального общения между специалистами в какой-либо сфере и теми, кто так или иначе к этой сфере имеет отношение. С одной стороны, профессиональное сообщество дистанцируется от «несведущих» лиц, формируя собственный язык; с другой – стремится к взаимодействию через посредников, которыми чаще всего выступают средства массовой информации. Наиболее острым в плане профессиональной групповой идентификации представляется деление лексики на специальную и общую. Так, термины противопоставлены в определенном плане понятиям, бытующим в общественном сознании.

Термин представляет собой элемент специальной лексики, обеспечивающей профессиональное общение узкого круга лиц, объединенных неким набором деятельностных характеристик. Термины номинируют «предметы и понятия, относящиеся к различным сферам трудовой деятельности человека» [Розенталь 1976]. Это обуславливает наличие целого ряда особенностей данной лексической группы: системность; наличие четких дефиниций; стремление к моносемичности; отсутствие экспрессии, кристаллизация значения и др. При этом в случае утраты этих характеристик термин в процессе своего бытования утрачивает и свой статус элемента терминопоя.

Термин, являясь частью профессионального языка, формально противопоставлен тем элементам, которые существуют за пределами речи представителей профессионального сообщества. Так, мы понимаем, что терминология имеет целый ряд ограничений в процессе использования. В частности, можно говорить об ограничениях стилистического характера: большая часть терминов ограничена сферой официально-делового общения субъектов отношений. Термин, в связи с этим, противопоставлен в силу своего официального характера профессионализмам, которые могут бытовать в этой же среде, но обладают иным статусом. В отличие от профессионализмов термин представляет собой некую эталонную форму, которая имеет нормативный характер и может быть средством общения среди широкого круга носителей специальных знаний.

Рассматривая термин как единицу профессионального общения, можем говорить о его специфике: он демонстрирует отнесенность носителя к некоей группе, выделенной по признаку профессиональной принадлежности. Данное свойство термина позволяет ему реализовывать идентифицирующую функцию: в отношении носителя как представителя группы; в отношении текста как формы специальной коммуникации.

При этом термины выступают своеобразными маркерами коммуникативной ситуации в целом, формируя у коммуникантов представление не только о специфике самого процесса общения, но и о культурном и социальном статусе его участников. Профессиональная терминология, как и другие маркированные языковые единицы, обусловлена субкультурными особенностями носителя. Так, статус терминов различных профессиональных сфер не одинаков: более закрытые терминосистемы, свойственные естественным или точным наукам, длительный период времени могут поддерживать изоляцию термина от общеупотребительной лексики, сохраняя тем самым статус термина как особой единицы; менее закрытые терминосистемы, свойственные общественным наукам, подвержены тенденции экстраполяции знаний и, как следствие, нарушению границ между общеупотребительной и являющейся частью закрытой системы лексикой.

Терминологии общественных наук свойственна бинарность как базовая категория, т. к. содержательное наполнение лексемы обусловлено контаминацией информации различного рода: и специальной, и социально детерминированной. Данной терминологией оперируют специалисты и обычные граждане

(часто даже не осознавая специальный статус лексической единицы), что делает сами термины проницаемыми и ставит под сомнение их особый статус. Так, многие правовые термины не воспринимаются гражданами как часть специального языка права, они заимствуются носителями языка из СМИ как элемент общественно-политического контекста и переосмысляются под воздействием того культурного или субкультурного дискурса, в котором оказываются.

В работе «Язык и право» Т. В. Губаева пишет, что те слова, которые являются ключевыми в языке права – это «сигналы», «выражающие духовно-нравственные идеалы общества и моральные принципы, осознанные человеческим разумом и воспринятые данной правовой системой» [Губаева 2003: 17-18]. Следовательно, можем говорить о том, что они несут в себе своеобразный культурный код, позволяющий считать особенности как магистральной культуры в обществе, являющемся носителем конкретных норм, закрепленных в терминологии, так и пределы субкультурных и контркультурных действий индивидов.

На примере особенностей бытования лексемы «экстремизм» рассмотрим специфику перемещения термина из одной группы носителей в другую со сменой при этом культурной доминанты. Так, рассмотрим значение данного слова в профильных словарях и определим, соответствует ли оно субкультурной интерпретации.

Данная лексема относится к числу единиц ценностно детерминированного поля социально-нормативных отношений, что делает ее весьма подверженной семантическим трансформациям с учетом того, к какой социальной группе относится интерпретатор. Так же, как и иные лексемы данного поля (патриот, толерантность, вина, коррупция и др.), понятие «экстремизм» выступает единицей ценностного поля индивида.

Основное значение данной лексической единицы, фиксируемое в словарях, базируется на ключевом компоненте в понятийном слое, перманентно ретранслируемом в формуле «крайность/крайняя степень». Однако нельзя не заметить, что дефиниенс в этом случае не представляется исчерпывающим, предполагается множественность субъективных толкований слова «крайний», что как раз и предопределяет полиинтерпретативность, зависящую от политических, общественных, нравственных и прочих установок интерпретатора. Нельзя не заметить, что само понимание экстремизма как вида деятельности зависит

как от исторических условий использования лексемы, так и от уровня политико-культурного и правового развития общества и государства. В своих исследованиях С. А. Сергеев определяет данную особенность через понятие экзонимичности термина «экстремизм» и предполагает, что он «носит в той или иной мере субъективный и конструируемый характер» [Сергеев 2011]. Это изначально противоречит характеристикам термина, но на практике указывает на прямую обусловленность любого элемента правового поля магистральной государственной политикой, т. е. в дефиниенс искусственно должен быть включен набор правовых признаков, определяющих данное явление для его последующей идентификации в качестве правонарушения. А следовательно, опять обращаем внимание на прямую взаимосвязь термина и общественно-политического развития граждан в государстве, уровень их правовой и общей культуры, а главное – градус допустимых общественных отклонений от установленной государством нормы поведения.

Именно поэтому целый ряд авторов различных лексикографических источников стремится дать расширительное толкование, включающее перечень форм деятельности приверженцев указанных взглядов с целью конкретизации самого явления. В частности, в Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова «экстремизм» определяется как «приверженность к крайним взглядам, к использованию крайних мер (включая теракты и взятие заложников) для достижения своих целей» [Ожегов 2010: 727]. Как правило, профильные юридические словари включают в словарную статью два вида толкований: базовое и специальное. Базовое совпадает с толковыми словарями, а специальное выражено в виде содержательной отсылки к профильному закону [Безопасность... 2003].

Но несмотря на тот факт, что данная лексема выступает в качестве термина, она приобретает авторскую интерпретацию даже в научно-правовом поле, а ее содержание подвергается значительным трансформациям даже при сохранении за ней особого статуса специальной единицы. Например, В. Н. Коновалов трактует «экстремизм» через другое понятие «правовой нигилизм» [Словарь по политологии 2001], что спорно с точки зрения содержательной и правовой разницы между первым и вторым.

Одним из наиболее тематически близких к рассматриваемой лексеме выступает слово «экстремист», интерпретация ко-

торого с учетом субкультурной специфики носителей языка демонстрирует максимальный разброс значений.

Данное слово отражено в словарях литературного языка в значении «человек, придерживающийся крайних взглядов» [Современный словарь... 2012: 908], однако в словарях субстандартной лексики оно имеет совершенно иную интерпретацию, определяющуюся реалиями, свойственными конкретной социальной группе. В частности, в Большом словаре русского жаргона В. М. Мокиенко представлено значение «вор, совершающий кражи у родственников и близких знакомых, ворующий из дома» [Мокиенко 2000: 710], а на портале «Жаргон.ру» отражена связь с иной сферой деятельности – «водитель, который не снижает скорости при ограничении видимости».

Так, смена дискурса провоцирует отход основного значения на второй план и устойчивую замену диктума на модус. Выход лексемы за пределы бытования нормативного языка актуализирует персуазивность в рамках ситуативного контекста, способствуя затемнению исходной семантики, подвергающейся воздействию субкультурной дифференциации.

В результате можем отметить, что «экстремизм» как лексическая единица, вышедшая за пределы исключительно терминологического поля, имеет широкое поле интерпретации и представляется как деятельность субъектов (лиц или их объединений), основанная на приверженности к крайним, радикальным взглядам, противоречащим базовым нравственным и правовым нормам, сопровождающаяся противоправными действиями, направленными на умаление или отрицание конституционных принципов. А следовательно, содержание термина зависит от непосредственно магистрального представления о должном, допустимом и противоправном поведении.

Таким образом, можем предположить, что данный термин должен побуждать граждан на определенную оценку тех или иных действий в качестве допустимых или недопустимых с точки зрения правовой квалификации. С целью установления данного факта был проведен ряд лингвистических экспериментов, позволяющих установить семантические особенности лексемы в рамках ее бытования в молодежной субкультуре. Испытуемыми стали молодые люди, обучающиеся в учреждениях высшего профессионального образования. Выбор данной категории участников экспериментов не является случайным, а предопределен возрастом и родом занятий.

Возраст, в основном, составляет от 17 до 25 лет, что укладывается в правовую и социологическую категорию «молодежь», т. е. ту группу лиц, которая является наиболее активной частью населения. Предполагается, что она обладает определенным жизненным опытом и знаниями, необходимыми для адекватной оценки характеристик окружающей действительности. Нельзя не отметить, что лица данного возраста являются активными пользователями социальных сетей и различных удаленных ресурсов, где в последнее время наиболее часто проявляется деятельность запрещенных организаций и ведется пропаганда. При этом именно на эту категорию лиц, в основном, и ориентирован манипулятивный контент большинства Интернет-ресурсов, т. к. молодежь попадает в «межкультурную зону» [Зеленов 2014], имеет неопределенный социальный статус и оказывается более склонной к девиантному поведению. Как отмечено в исследовании А. В. Серикова, преступления экстремистской направленности все чаще совершают молодые люди в возрасте от 15 до 25 лет [Сериков 2005].

Также немаловажным является и тот факт, что молодые люди этого возраста, как отмечает С. Р. Комнатная, «родились и выросли в период после распада СССР, а следовательно, могут быть названы носителями новой системы ценностей» [Комнатная 2018: 57]. Другой круг интересов и иные аксиологические установки определяют полюс восприятия любого явления, включая и «экстремизм», что может иметь принципиальное значение в процессе оценки как собственного поведения, так и поступков окружающих людей.

С 2015 года в экспериментах приняло участие несколько тысяч студентов г. Екатеринбурга и Свердловской области. В данной работе мы остановимся на результатах ассоциативного эксперимента, проведенного в 2017-2019 гг. среди студентов г. Екатеринбурга, обучающихся по разным специальностям.

Рассмотрим результаты цепочного эксперимента, когда испытуемым было предложено привести 3 реакции на словостимул «экстремизм». Полученные реакции были сгруппированы и проанализированы. В основном, полученные реакции представляют собой одно слово, как и стимул, словосочетания респонденты используют редко. Как правило, в одной группе опрашиваемых бывает от 1 до 3 единиц идиоматического характера – *опасный вид деятельности, социально опасный, расовая дискриминация, угроза жизни, государственная измена,*

преступление против мира и человечества, политические взгляды. Все они относятся к официально-деловому стилю и характеризуются принадлежностью к правовому полю. Можно предположить, что у респондентов нормативные ассоциации возникают как следствие обращения к прецедентным текстам специально юридического или учебного характера.

Используя алгоритм обработки результатов ассоциативного эксперимента, предложенный З. Д. Поповой и И. А. Стерниным [Попова 2007], мы установили ядро и периферию ассоциативного поля. В каждой группе испытуемых в качестве ядра ассоциативного поля представляется *опасность*, оно и его дериваты практически всегда имеют индекс яркости 20-30, за редким исключением в отдельных группах (минимальный показатель 15 по группе). Нужно отметить, что лексема «экстремизм» является специфической, небольшое количество реакций вообще повторяется, поэтому показатель 15-20%, который может показаться невысоким, в нашем случае тоже является достаточным при условии, что иные лексемы его не превышают. Так, если в группе преобладают индивидуально-личностные реакции и формально экстрасигнальные, то лексема, имеющая максимальный процент ретранслируемости в качестве реакции, и признается нами ядром ассоциативного поля вне зависимости от индекса яркости.

Также отметим, что в ядро попадает именно *опасность*, а не *угроза*, которая остается на крайней периферии. Хотя семантически это не оправданно, поскольку *опасность* предполагает существующую возможность негативного воздействия, а *угроза* – конкретную форму проявления опасности, создаваемую целенаправленной деятельностью [Насиров 2015: 123], что с формальной точки зрения больше соответствует содержанию понятия «экстремизм».

В ближнюю периферию попадают ассоциации *терроризм, насилие, смерть*. Это пересекается с результатом проведенного в 2004 году эксперимента Е. Н. Басовской, которая зафиксировала в качестве устойчивых ассоциаций слова «террор» и «война», выступающих как часть одного семантического поля с экстремизмом [Басовская 2005].

Интересен тот факт, что не ядро или ближняя периферия, а именно дальняя периферия практически совпадает с проанализированными материалами лексикографических источников. Это свидетельствует о том, что в рамках формирования собственного понимания термина «экстремизм» большая часть ис-

пытуемых имеет некое концептуальное, эмоционально-образное, культурно детерминированное представление, только частично коррелирующее с доминирующей в рассмотренных источниках семой «крайность».

Теперь обратимся к особой группе реакций, которые мы назвали формально экстрасигнальными, т. к. на первый взгляд они не могут быть мотивированы словом-стимулом. Эта группа представляет повышенное количество реакций за последний год.

В одной из учебных групп 1 курса обучения в составе 28 человек в процессе цепочного ассоциативного эксперимента наиболее частотными стали три лексемы: опасность (28,6%), адреналин (21,4%), скорость (21,4%).

Причину появления таких элементов в ассоциативно-вербальной сети мы видим в наличии дублетов за пределами литературного языка, что было выявлено в процессе анализа лексикографических источников. Из всей группы опрашиваемых 32,1% не смогли установить ни структурную, ни семантическую разницу между словами «экстремизм» и «экстрим (экстремальный спорт)». В другой группе первокурсников такого единодушия в ассоциациях не возникло, но частные ассоциации из паронимического поля были представлены у 30% опрашиваемых: *бесстрашный, смелый, хобби, безбашенность, усилие, экстраординарность, труднейший, риск, прикольно, классно*.

Невозможность дифференцировать семантику лексем указывает на диффузный характер обеих единиц в языковом сознании испытуемых. Фрагментарность концепта «экстремизм» явно устанавливается в результате данного эксперимента; коннотации рассматриваемой языковой единицы мотивируются в сознании носителей языка одновременно парами «экстремист/экстремал», «экстремистский/экстремальный» без учета бинарности семантики. Так, имеющаяся в отношении слова-стимула лакуна заменяется элементом из собственной культурной ниши – молодежной субкультуры. Однако нельзя не заметить при этом и определенную схожесть в обоих элементах: на первый план выходит сема «противопоставление». И в первом, и во втором случаях актуализируются категории идентичности и чуждости, которые О. В. Рябов считает определяющими для поля «экстремизм» [Рябов 2001]. Оппозиция свой/чужой, доминирующая в процессе квалификации рассматриваемого вида противоправной деятельности, полностью идентична существующему в молодежной субкультуре делению субъектов на представителей ингруппы или

аутгруппы. Можем предполагать, что именно оппозиционность экстремистов и экстремалов магистральной культуре объединяет их в сознании молодого человека в одну общую группу, без конкретных детализирующих признаков.

Таким образом, можем сделать вывод, что лексема «экстремизм», поскольку является частью правовой терминосистемы и не обладает в общественном сознании устойчивым набором семантических доминант, нуждается как в конструировании более четкой дефиниции в отношении собственно термина, так и в разъяснении содержания понятия в разнородных источниках информации с целью исключения ретрансляции уже сложившегося клише и замене пустого означающего полноценной лексической единицей в пределах не только литературного языка, но и в сфере субстандарта. Можем предполагать, что терминология общественных наук, в особенности в правой сфере, нуждается в более тщательной проработке, а следовательно, в согласовании ценностных установок не только магистральной культуры, но и в формировании ряда общих доминант за ее пределами, в частности, в пределах ключевых субкультурных образований.

ЛИТЕРАТУРА

Басовская Е. Н. Политическая терминология в языковом сознании семнадцатилетних (по материалам ассоциативных экспериментов 1991, 1995 и 2004 гг.) // Политическая лингвистика. – 2005. № 16. С. 12-19.

Безопасность Евразии-2002 : энциклопедический словарь-ежегодник / автор идеи и концепции, руководитель Проекта В. Н. Кузнецов. – М. : Книга и бизнес, 2003. 540 с.

Губаева Т. В. Язык и право. – М., 2003. 160 с.

Зеленов Ю. Н. Педагогическая профилактика экстремистских проявлений в молодежной среде в системе непрерывного профессионального образования. – М. : Изд-во ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2014. 374 с.

Комнатная С. Р. Семантика лексемы воля как фрагмент социально-нормативной составляющей языкового сознания носителей русского языка // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2018. С. 56-60.

Насиров М. Н. Анализ смыслообразующего начала понятия «экстремизм» // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2015. № 3 (31). С. 122-124.

Мокиенко В. М. Большой словарь русского жаргона : 25000 слов, 7000 устойчивых сочетаний. – СПб. : Норинт, 2000. 717 с.

Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка : Ок. 100000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов ; под ред. проф. Л. И. Скворцова. 26-е изд., испр. и доп. – М. : ООО Издательство «Оникс» ; ООО Издательство «Мир и Образование», 2010. 736 с.

Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. – М. : АСТ ; Восток – Запад, 2007. 314 с.

Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Изд. 2-е. – М., 1976. 544 с.

Рябов О. В. «Матушка-Русь»: Опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии. – М., 2001. 202 с.

Сергеев С. А. Исследования экстремизма и радикализма в зарубежных и отечественных социальных науках // Конфликтология. – 2011. № 3. С. 56-66.

Сериков А. В. Молодежный экстремизм в современной России: динамика и отражение в общественном мнении у студентов (на примере Ростовской области) : дис. ... канд. социол. наук. – Ростов н/Д., 2005. 159 с.

Словарь по политологии / под ред. проф. В. Н. Коновалова. – Ростов-на-Дону : Изд-во РГУ, 2001. 285 с.

Современный словарь иностранных слов: толкование, словоупотребление, словообразование, этимология / Л. М. Баш, А. В. Боборова [и др.]. – М. : Цитадель-трейд ; Вече, 2012. 960 с.

REFERENCES

Basovskaja E. N. Politicheskaja terminologija v jazykovom soznanii semnadcatiletnih (po materialam asociativnyh jeksperimentov 1991, 1995 i 2004 gg.) // Politicheskaja lingvistika. – 2005. № 16. S. 12-19.

Bezopasnost' Evrazii-2002 : jenciklopedicheskij slovar'-ezhegodnik / avtor idei i koncepcii, rukovoditel' Proekta V. N. Kuznecov. – М. : Kniga i biznes, 2003. 540 s.

Gubaeva T. V. Jazyk i pravo. – М., 2003. 160 s.

Zelenov Ju. N. Pedagogicheskaja profilaktika jekstremistskikh projavlenij v molodezhnoj srede v sisteme nepreryvnogo professional'nogo obrazovanija. – М. : Izd-vo FGKU «VNII MVD Rossii», 2014. 374 s.

Komnatnaja S. R. Semantika leksemy volja kak fragment social'no-normativnoj sostavljajushhej jazykovogo soznaniya nositelej russkogo jazyka // Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovanija. – 2018. S. 56-60.

Nasirov M. N. Analiz smysloobrazujushhego nachala ponjatija «jekstremizm» // Juridicheskaja nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. – 2015. № 3 (31). S. 122-124.

Mokienko V. M. Bol'shoj slovar' russkogo zhargona : 25000 slov, 7000 ustojchivyh sochetanij. – SPb. : Norint, 2000. 717 s.

Ozhegov S. I. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka : Ok. 100000 slov, terminov i frazeologicheskikh vyrazhenij / S. I. Ozhegov ; pod red. prof. L. I. Skvorcova. 26-e izd., ispr. i dop. – М. : OOO Izdatel'stvo «Oniks» ; OOO Izdatel'stvo «Mir i Obrazovanie», 2010. 736 s.

Popova Z. D., Sternin I. A. Kognitivnaja lingvistika. – М. : AST ; Vostok – Zapad, 2007. 314 s.

Rozental' D. Je., Telenkova M. A. Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov. Izd. 2-e. – M., 1976. 544 s.

Rjabov O. V. «Matushka-Rus'»: Opyt gendernogo analiza poiskov nacional'noj identichnosti Rossii v otechestvennoj i zapadnoj istoriosofii. – M., 2001. 202 s.

Sergeev S. A. Issledovanija jekstremizma i radikalizma v zarubezhnyh i otechestvennyh social'nyh naukah // Konfliktologija. – 2011. № 3. S. 56-66.

Serikov A. V. Molodezhnyj jekstremizm v sovremennoj Rossii: dinamika i otrazhenie v obshhestvennom mnenii u studentov (na primere Rostovskoj oblasti) : dis. ... kand. sociol. nauk. – Rostov n/D., 2005. 159 s.

Slovar' po politologii / pod red. prof. V. N. Konovalova. – Rostov-na-Donu : Izd-vo RGU, 2001. 285 s.

Sovremennyj slovar' inostrannyh slov: tolkovanie, slovoupotreblenie, slovoobrazovanie, jetimologija / L. M. Bash, A. V. Boborova [i dr.]. – M. : Citadel'-trejd ; Veche, 2012. 960 s.